

детектив-жюльен

Валерия
Лемаф

СМЕРТНЫЙ ГРЕХ СЕМИРАМИДЫ

Валерия Леман
Смертный грех Семирамиды
Серия «Детектив-событие»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11620935
Смертный грех Семирамиды: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-82207-2

Аннотация

Ален Муар-Петрухин снова влюблен и на этот раз ни много ни мало, а в самую богиню. В красавицу, словно сошедшую с вершин Олимпа, актрису Дину Орсуан, прославившуюся ролью богини Афины...

Дина Орсуан в одночасье стала звездой, исполнив роль олимпийской богини в культовом фильме. Так с позволения самих богов начала складываться ее карьера. Ей предложили снова сыграть роль Афины на открытии салона косметической фирмы «Сады Семирамиды»...

Актрису Жанну Милье многие считали неудачницей, ведь, кроме смазливой внешности и дерзкого нрава, она ничем не могла выделиться. А тут в ее сети попала большая рыба – владелец крупной косметической фирмы пригласил ее на феерическое открытие его салона, но Жанна и не предполагала, какую роль ей предстоит там сыграть...

Олимпийские боги очень похожи на обычных людей. Они также любят, ненавидят, ревнуют, воют и радуются. Но есть только одно отличие – боги никогда и никого не прощают...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	22
Глава 8	26
Глава 9	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Валерия Леман

Смертный грех Семирамиды

© Леман В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Глава 1

*«Древняя Греция»:
любовь с первого взгляда-2*

Можно сказать, что в Дину Орсуан я дважды влюблялся с первого взгляда. Первый раз я увидел ее в фильме-сенсации года «Олимпийские страсти» великого Томми Дорсэ и тогда же влюбился. Но все это было нечто не совсем реальное – иллюзорный мир кинолент, игра, фантазии. Наяву я встретил Дину в Париже, в выставочном комплексе «Язычество», который в скором времени собирался торжественно открыть мой давний приятель Жан Лебо. Надо ли добавлять, что, только встретившись с ней взглядом, я позабыл, на каком свете нахожусь?

В тот самый день в зале «Древняя Греция» известный парижский скульптор греческого происхождения устанавливал свое творение – статую богини Афины. Наверное, потому Жан и пригласил Дину – ведь в «Олимпийских страстях» она играла именно эту бессмертную богиню. Ну, а я, волею случая оказавшись в районе будущего комплекса, как говорится, заглянул к доброму приятелю на огонек.

Отмечу кстати, что в те жаркие дни июля я, москвич-полукровка Ален Муар-Петрухин, находился в славном городе Париже для того, чтобы организовать рекламную кампанию по поводу открытия салона отцовской косметической фирмы «Сады Семирамиды» в Греции, конкретнее – в Афинах. Сами понимаете, что, прослышав об установке статуи Афины неподалеку от отцовского офиса, я решил бросить на нее взгляд. Вот только с первых же шагов мой взгляд упал на Дину Орсуан, так что на статую богини я, каюсь, так и не удосужился взглянуть.

Только представьте себе: изящный девичий силуэт, поистине греческий профиль, разлет соболиных бровей, роскошная грива блестящих волос, небрежно заколотых в конский хвост...

– Привет, Ален! Какой сюрприз! Спешу сообщить, что тебе дико повезло: позволь мне представить тебе...

Реплика Жана так и осталась незавершенной, а сам он с добродушной усмешкой наблюдал, как я с восторженно отвисшей челюстью пялился на Дину, а она – милостиво, как истинная богиня – мне улыбалась, первой протягивая для пожатия узкую руку с легко звякнувшим браслетом.

– Дина.

– Ален.

– Очень приятно.

– И мне очень приятно, Дина. В данный момент я – самый счастливый из всех смертных на земле.

В ответ на мою взволнованную реплику прозвучал ее серебристый смех. Надо отметить, этот смех стал своеобразным музыкальным фоном всей нашей истории любви: я мечтал, признавался в любви, ревновал и скучал по красавице с шоколадными глазами, а в ответ мне «звенели» немного печальные колокольчики ее смеха.

Наверное, каждый знает: когда ты влюблен, жизнь перестает двигаться в привычном размеренном ритме, она то волшебным образом легко вальсирует, то невероятно быстро накручивает сводящие с ума обороты, неожиданно переходя на мучительно медленное топтание на месте.

В это лето у меня все происходило именно так. Надо сказать, что последние годы своей не слишком долгой жизни я усердно тружусь менеджером по рекламе в косметической фирме отца «Сады Семирамиды», так что знакомство с Диной дало мне идею предложить ей роль Афины на церемонии открытия нашего греческого салона. Дина с радостью согласилась, а мой отец Жюль Муар обеими руками поддержал эту идею. И вот теперь я усиленно

творил гениальный сценарий открытия с мадмуазель Орсуан в главной роли, одновременно страдая от мук любви.

До нашего отъезда в Афины оставалось две недели. Первую из них Дина была занята в рекламных съемках; в редкие паузы мы с ней встречались, испытывая при этом острое ощущение счастья. Потом ей тайком подкинули некий сценарий для ознакомления, и она ушла в этот неведомый мне шедевр с головой, отрывисто отвечая на мои звонки, что совершенно нет гарантии, что роль достанется именно ей, но сценарий следует дочитать до конца, а потому на встречи совершенно нет времени.

Я готов был плакать, как дитя малое. С ума сойти: после знакомства у подножия Афины мы виделись не больше трех-четырёх раз, и наши randevu были коротки и мимолетны. Все остальное время я мужественно заставлял себя корпеть над сценарием, перечитывая мифы Древней Греции и подыскивая самые эффектные ходы для шоу открытия. Разумеется, я то и дело не выдерживал, набирал номер телефона Дины, и, если у нее случалось «окно» в съемках, изучении сценария или в фотосессиях, она тепло и ласково отвечала мне.

– Привет, сумасшедший! Что ты хочешь сообщить мне на этот раз?

Серебристый смех.

– Я придумал интересную деталь: во-первых, ты не будешь перерезать ленточку на открытии салона – ты перерубишь ее самым настоящим мечом...

– Сумасшедший! – серебристый смех. – Как ты это себе представляешь? Я буду махать мечом, а лента будет трепыхаться...

– Не волнуйся, меч будет отлично наточен, а лента – достаточно натянута, чтобы ты разрубила ее с первого же удара, мы все это отрепетируем как следует... Так вот, когда ты разрубишь ленточку, на тебя и на всю публику сверху посыплется золотой дождь – ведь по одной из версий, когда Афина родилась из головы Зевса, на Родосе пошел именно такой – золотой – дождь.

– Сумасшедший! – серебристый смех. – И на меня будут сыпать настоящую золотую крупу?

– Это ты сумасшедшая! Зачем же сыпать золото? Мы вполне обойдемся тонкими золотистыми блестками.

Серебристый смех.

Все когда-нибудь благополучно подходит к концу, прошли и эти две мучительные недели. Утром пятнадцатого августа мы с Диной сели в самолет греческой авиакомпании и вылетели в Афины. Наверное, здесь стоит отметить, что к нашему романтическому вояжу прилагалась неприятная нагрузка: с нами летел агент Дины – самовлюбленный тип по имени Серж Флисуан, с которым у меня в первые же минуты знакомства произошла стычка по вопросу подписания Диной контракта. Добавлю также, что в аэропорту Орли моими хлопотами нас провожала целая толпа резвых журналистов (часть рекламной кампании).

Впрочем, если честно, для меня все это благополучно осталось «за кадром». Я был рядом с лучшей девушкой на свете, она улыбалась только мне, и только для меня сияли ее лучистые глаза. Все остальное не имело ровно никакого значения.

Глава 2

Деловой расклад

По прилете в славные Афины мы легко и красиво ответили на очередную порцию вопросов очередной «порции» встречавших нас у трапа журналистов, под финиш симпатично приобнявшись для эффектного снимка в газетах, после чего поспешили в отель «Семирамида», расположенный в лучшей части города – древней и удивительной Плаке.

Когда-то, как говорится, во времена оны, именно этот отель подарил нашей косметической фирме имя: молодой и амбициозный Жюль Муар, прибыв на отдых в Афины, остановился именно в этом отеле, и именно его название подсказало ему идею имени для собственного детища, которое открылось в Париже через три месяца. С тех пор у нас в семье есть традиция: попадая в Афины, мы обязательно останавливаемся в отеле «Семирамида».

Прибыв из аэропорта в отель, мы с Диной первым делом разбежались по своим номерам, договорившись встретиться примерно через час. Само собой, и этот час прошел, и мы встретились вновь, крепко обнявшись и немедленно отправившись бродить по улочкам древних Афин. Впрочем, город и его история остались для нас где-то на втором плане – на первом были наши глаза, которые в буквальном смысле сливались в единое море – море любви.

Поверьте мне на слово: Дина была прекраснее всех олимпийских богинь, вместе взятых. В белоснежном платье-хитоне, с густой шевелюрой темных волос, якобы небрежно заколотых блестящими заколками, она цеплялась за мой локоть, сквозь гигантские черные очки глядя на ослепительный диск солнца и в очередной раз пересказывая мне сюжет и самые интересные эпизоды из того сценария, что она читала последние дни – как оказалось, то был сценарий следующего киношедевра Томми Дорсэ, а Дине по секрету передала его для ознакомления одна добрая приятельница из команды мэтра.

– Ты не представляешь, как бы я хотела заполучить эту роль! – Дина проговаривала слова, мечтательно улыбаясь, – именно так маленькие девочки мечтают о кукле-принцессе. – Ты только представь себе, что будут говорить, если я снимусь во втором фильме великого Дорсэ! Разумеется, меня тут же начнут приглашать и все остальные наперебой. Боже, вот тогда мне придется перечитывать целые тонны толстенных сценариев, чтобы выбрать самый лучший!

Мне, бедолаге, только и оставалось, что в ответ на эту взволнованную тираду тяжело вздохнуть да неутешно покачать головушкой:

– Скажите, люди добрые, ну почему я – не великий Дорсэ?! Будь я хоть малость на него похож, все первые красавицы мира только и мечтали бы привлечь мое божественное внимание.

Дина весело расхохоталась.

– Тебе совершенно ни к чему быть великим Дорсэ, мой милый! Он, конечно, супервеликий, но... Но он такой толстый!

– А я худой?

– Ты удивительный!

Сами понимаете, эти слова были для меня наилучшим комплиментом, моментально заразив вирусом счастья. Я засмеялся и, подхватив Дину на руки, закружил ее на месте, делясь своим смехом. Жизнь – прекрасна и удивительна, а я – влюблен по собственному желанию.

В конце концов, мы устали бродить по бесконечным улочкам древнего города и, изрядно проголодавшись, повернули к центру, приглядев симпатичную таверну и устроив-

питься за уютным столиком. Естественно, мы заказали самый что ни на есть греческий обед: пару легких салатиков с сыром фета в главной роли и фасоль, тушенную со свиной.

– Пока ты, моя милая, с головой уходила в изучение очередного великого сценария Дорсэ, – сообщил я, пока мы ожидали свой заказ, – я работал над сценарием попроще – открытия нашего Афинского салона. Все достаточно банально: торжество с кучей народа, а до него – миллион мелких, но достаточно важных мероприятий. Сейчас я изложу тебе наше расписание на ближайшие часы и дни.

В этот момент принесли наш заказ, и мне пришлось сделать достаточно продолжительную паузу, в течение которой мы с Диной все с великим аппетитом умяли. Отодвинув от себя пустые тарелки и откинувшись на спинку плетеного стула, я продолжил свое изложение.

– Итак, уже сегодня у меня полно дел, а вот ты можешь отдохнуть – трудовые будни для тебя начнутся завтра. Завтра, ровно в девять утра, мы с тобой отправляемся в наш будущий салон-магазин для первой репетиции: я познакомлю тебя с управляющей Афинского салона Еленой Сендираки, мы осмотримся на месте, проведем черновую репетицию и все такое прочее... Кстати, полагаю, в перерывах между восторгами по поводу сценария великого Дорсэ ты нашла-таки время ознакомиться с моим весьма скромным трудом?

Надо было видеть, как переменялась Дина в считанные мгновенья: только что в кресле блаженно жмурилась полусонная красавица, и вот на ее месте деловито скрестила руки на груди чуть суховатая бизнес-леди.

– Разумеется, прочла, так что вполне могу тебя заверить: твой труд не менее гениален, чем сценарий Томми. И, тем не менее – надеюсь, ты мне это простишь, – я осмелилась внести кое-какие поправки. Ничего серьезного: чуть изменила отдельные реплики Афины, чтобы они звучали значительнее...

Она потянулась за своей сумкой и достала из нее кожаный блокнот и ручку, строго взглянув на меня.

– Итак, значит, завтра в девять ноль-ноль – первая репетиция, знакомство с местностью. Что потом?

Я хрустнул пальцами.

– Отмечу, что завтрашний день – своего рода раскочка, потому следующим номером нашей программы будет вечернее официальное знакомство всей команды будущего салона с главой косметической фирмы «Сады Семирамиды» мсье Жюлем Муаром. Это своего рода традиция: собрать весь штат, официально представиться друг другу и провозгласить лозунг в духе «Мы – единая команда, работаем дружно на всеобщее благо и благо «Садов»!» Данное мероприятие начнется ровно в семнадцать ноль-ноль в симпатичном элитном ресторане «Олимпиакус». В нем, кроме нас с тобой и отца, примут участие Елена Сендираки, весь штат продавцов-консультантов салона, а также те, кого сочтет нужным пригласить Елена, – дизайнеры, ответственные за оформление салона, водители, уборщицы и прочие, и прочие. Отдельно добавлю, что всему этому народу будет очень приятно лично пожать тебе руку как восходящей звездочке французского кино, так что советую заранее заготовить свои лучшие фотоснимки для раздачи автографов!

Тут я припомнил еще один момент, невольно нахмурившись.

– Между прочим, насколько я понимаю, среди приглашенных будет и твой Серж, раз уж он здесь. Кстати, хотелось бы знать, где он теперь? Даже во время полета твой незаменимый агент не соизволил поинтересоваться у меня планом грядущих мероприятий. Интересно, за что ты ему платишь?

Дина улыбнулась, успокаивающе положив свою ручку поверх моей.

– За эту поездку Сержу я ничего не плачу, он сам, прямо скажем, напросился лететь со мной. Слегка поплакался, что в нынешнем году остался без отпуска, а в Афинах, дескать,

сможет совместить приятное с полезным – ведь должен же строгий агент за мной приглядывать, а заодно ловить выгодные предложения новых ролей, пока я буду занята шопингом.

Дина бодро кивнула и вновь раскрыла свой блокнот.

– Но вернемся к нашим планам! Итак, завтрашний день завершится ужином и раздачей автографов. Планы на послезавтра?

Я постарался деловито сдвинуть брови.

– Послезавтра будут проведены две репетиции – одна с утра, где ты примеришь полное облачение Афины, вторая – генеральная! – после обеда, в девятнадцать ноль-ноль, – в костюмах, с музыкой и прочим, все как на самом деле. Кроме того, ты записана в салон красоты «Вита» – для знакомства с визажистом и решения всех вопросов: грим, прическа и прочее. Ну, а после-послезавтра, восемнадцатого августа, состоится открытие салона.

Я улыбнулся, не без торжественности кивнув.

– Возможно, тебе приходилось слышать, что в эти дни в древние века в Афинах традиционно отмечались Панафины – дни, посвященные богине Афине. Между тем, по некоторым источникам, день рождения великой богини отмечался пантеоном конкретно восемнадцатого августа. Весь Олимп гудел! Сама понимаешь, мы ничем не хуже олимпийцев и одним махом отметим день рождения и богини, и салона!

Тут я важно надулся, заговорив едва ли не голосом Левитана:

– Итак, восемнадцатого августа, в девятнадцать ноль-ноль, состоится торжественное открытие первого в Греции салона «Садов Семирамиды». В главной роли – исполнительница роли богини Афины в знаменитом фильме Томми Дорсэ «Олимпийские страсти» Дина Орсун, прошу любить и жаловать! Сразу после открытия – банкет в ресторане при участии первых лиц Афин, включая мэра...

Пару минут я с улыбкой любовался зарумянившейся подругой.

– Как тебе в общем и целом наш распорядок на ближайшие дни?

Вопрос был, что называется, лишним – Дина вся просто светилась от радости и предвкушения предстоящих событий. Она подалась вперед, обеими руками сжав мою ладонь в благодарном жесте.

– Все просто замечательно, спасибо, мой дорогой Ален! Как я и надеялась, приступив к работе над ролью Афины, эта великая богиня Древней Греции принесла мне удачу. Ты веришь, что...

Веришь не веришь... Я не стал дослушивать девичьи бредни, прервав их страстным поцелуем.

Глава 3

Знакомство с салоном

Наш первый «греческий» день продолжался. После обеда в таверне мы расстались: как сообщила мне с придыханием Дина, она собиралась посвятить остаток дня классическому шопингу.

– Мечтаю купить для себя самую настоящую греческую одежду. После «Олимпийских страстей» я немного в курсе всех этих названий: хитон, палла, пеплос и прочие штучки. По возвращении проведу в Париже фотосессию в греческих одеяниях. Только представь себе, насколько это будет потрясающе!

Я представил, и у меня тут же дыхание перехватило от волнения.

– Пощади, богиня! – Я молитвенно сложил руки перед весело хохочущей красавицей. – Будь моя воля, бросил бы все свои муторные дела и лично организовал тебе фотосессию здесь и немедленно!

Еще пара минут щебета ни о чем, и мы распрощались: Дина отправилась в отель, чтобы привести себя в порядок и отдохнуть перед шопингом, а я деловито взглянул на часы и поспешил поймать такси, продиктовав водителю адрес: улица Планикус, пятнадцать.

Будущий салон «Садов» очаровал меня с первого взгляда. Представьте себе: в зелени пальм и диких апельсинов с яркими плодами на ветках – белоснежное, сказочно очаровательное здание в ограждении витой решетки (кружево из металла!). Я толкнул ажурную металлическую калитку и попал в симпатичный сад с каменными дорожками, изумрудными газончиками, небольшим фонтанчиком и кружевными металлическими скамейками там и тут.

Не менее эффектно была оформлена и витрина салона. По всей видимости, старинное здание было основательно переделано, так что практически вся фасадная стена теперь была стеклянной, как на ладони представляя взору каждого посетителя изысканный дизайн внутреннего интерьера: сверкающие витрины, заполненные сверкающими флаконами и баночками, кожаные диванчики, вделанные в стены плафоны матовой подсветки...

– Bravo, Елена!

Это были мои первые слова, едва я шагнул внутрь салона навстречу его главному украшению – изящной миниатюрной красавице в белоснежном облегающем платье, с огненными глазками. Елена Сендираки до недавнего времени трудилась в одном из парижских салонов «Садов», так что я прекрасно знал эту деловую, со вкусом, даму. Мы приветственно улыбнулись друг другу и обнялись, троекратно расцеловав друг друга в щечки.

– Я только взглянул на этот очаровательный салон, и сразу же ощутил твой безупречный вкус, Елена. – Я восторженно сжал ее руку. – Bravo еще раз! Хочу отметить: ты – само совершенство!

У нас с Еленой с первых же дней знакомства сложились именно такие отношения: я ее восторженно хвалил, что, признаюсь честно и откровенно, никогда не было особо сложно, потому как Елена всегда и все делает безупречно, стопроцентно заслуживая самых высоких дифирамбов; она в ответ на мои дифирамбы лучезарно улыбалась и была готова сделать все, чего бы я ни пожелал.

Так было и на этот раз: я пропел свой комплимент, Елена ослепительно улыбнулась, заботливо усадила меня на мягкий диванчик, устроилась напротив и, глядя на меня едва ли не с материнской нежностью, поинтересовалась, чего я желаю. Я желал дивного греческого кофе.

– Василис!..

Елена щелкнула своими холеными пальчиками, и перед нами тут же нарисовалась не менее интересная особа: миловидная дама «слегка за сорок» под два метра ростом, в простом льняном платье цвета экрю, с волосами, убранными в классический греческий «шишак» на затылке. Замерев перед нами, она приветливо улыбнулась, переведя взгляд с Елены на меня, отчего я почему-то ощутил легкое головокружение.

– Знакомьтесь, – кивнула Елена. – Ален, ответственный за рекламу фирмы «Сады Семирамиды»... А это – моя тетя Василис, которая будет работать продавцом-консультантом в нашем салоне. Василис (а для своих – просто Васа) окончила Афинский университет, она – математик высокого полета, но на пенсии вдруг увлеклась культурой и искусством, так что даже успела поработать гидом с группами афинских туристов. Я предложила ей мирную и спокойную работу в салоне, и она согласилась. В косметике Васа разбирается не хуже меня, ну а умению ладить со всеми и уговаривать клиентов ей может позавидовать любой гипнотизер!

Васа-Василис, чуть порозовев, негромко рассмеялась, лукаво погрозив племяннице пальчиком.

– Ах, Елена, перестань баловать меня завидными отзывами! Благодарю за превосходное портфолио! Надеюсь, работа в салоне доставит мне удовольствие. А теперь я хотела бы знать, чего вы желаете, Ален? – Она развернулась ко мне. – Кофе эллиникум¹? С питой? У нас чудесная пита – с фисташками и медом, мы покупаем ее у старика Сириуса: в его крошечной пекарне третий век делают чудесную выпечку по старинным рецептам семьи Сириусов. Чудесная кулинария!

Мне только и оставалось, что согласиться на превосходно сделанный за меня выбор, и Василис тут же исчезла, а Елена лукаво мне подмигнула.

– Моя Васа – лучшая тетя на свете! Помнится, в детстве я просто обожала приходить к ней в гости и слушать увлекательные мифы Греции. Кстати, согласись со мной: правда ведь, она и сама чем-то похожа на одну из богинь?

– Особенно ростом! – подхватил я. – Когда смотришь на человека снизу вверх, в нем появляется нечто божественное... И, кстати, она великолепно выглядит, особенно учитывая то, что, по твоим словам, Васа – пенсионерка. Честно говоря, увидев ее, я подумал, что даме «сорок с копейками», но ведь...

Тут я сделал выразительную паузу, вопросительно взглянув на Елену, а она усмехнулась с довольным видом.

– Я же говорю, что моя Васа – лучшая тетушка на свете! Да, ей, говоря твоим языком, не сорок, а «пятьдесят с копейками», и ты – лучшее доказательство, что выглядит она гораздо моложе. Настоящая красавица!

В этот момент вернулась Васа, и мы втроем уселись за кофе, заодно обговаривая планы на ближайшие два дня. Надо отдать должное Елене: все, что касается работы, она обсуждает деловито, сухо, подробно. После того, как мы уточнили все детали завтрашней первой, черновой, репетиции с Диной и последующее официальное знакомство с персоналом в ресторане, она, отметив все необходимое в своем блокноте, откинулась на спинку дивана, улыбнувшись мне вполне удовлетворенной улыбкой. В тот же самый момент зазвенел колокольчик входной двери, заставив нас с Еленой одновременно развернуться.

Прозрачная сверкающая дверь распахнулась, и перед нами предстал молодой светловолосый парень в светлых бриджах и футболке, с рюкзаком на плече. Он внимательно осмотрел нас светлыми глазами в рыжеватых ресницах.

– Извините, это салон «Сады Семирамиды»?

¹ Кофе по-гречески.

Сами понимаете, при том что название салона на трех языках, включая английский, красовалось аршинными буквами над входными дверями, вопрос прозвучал немного забавно.

Елена милостиво улыбнулась.

– Вы совершенно правы, молодой человек: это салон косметической фирмы «Сады Семирамиды». Но в настоящее время салон закрыт. Его торжественное открытие состоится...

Парень нетерпеливо тряхнул головой.

– Я знаю, – без излишних церемоний перебил он Елену. – Про открытие салона я услышал еще в Штатах по радио неделю назад. А правда, что в открытии примет участие сама Дина Орсуан?

Замечу отдельно, что, произнеся имя Дины, парень слегка порозовел, так что и коню было ясно: бедолага влюбился.

– Совершенно точно. – Елена терпеть не могла, когда ее столь дерзко прерывали на полуслове, а потому теперь в ее улыбке появилась ледяная нотка. – Приходите на открытие, и, возможно, вам повезет: Дина Орсуан собственноручно презентует вам свой автограф.

Дерзкий американец ничего не ответил. Он лишь молча кивнул, резко развернулся и почти выбежал вон, так что колокольчик захлопнувшейся за ним двери звякнул с ноткой отчаянья.

Мы с Еленой переглянулись, и она многозначительно подняла перед моим носом свой длинный палец.

– Судя по дрожи в голосе при каждом упоминании имени Дины, ты влюблен в нее ничуть не меньше этого янки. В таком случае поздравляю: у тебя появился первый соперник! Кстати сказать, заранее не советую тебе всерьез заикливаться на Дине. Актриса есть актриса, тем более кинозвезда; за ней вечно будут увиваться толпы поклонников – по крайней мере, пока она будет сохранять минимальную привлекательность.

Вежливо поблагодарив Елену за заботу, я уже начал было подниматься с диванчика, как дверь в очередной раз звякнула, пропуская в салон на этот раз слегка прихрамывающего, до невозможности худого парня в просторных джинсах и черной футболке. Почти-точно сняв кепку, он улыбнулся нам и произнес фразу на непонятном и таинственном лично для меня греческом.

Елена проговорила парню нечто приглашающее, легко поднялась и приветливо представила нас друг другу.

– Алэн, тебе повезло одним из первых познакомиться с нашим удивительным мастером – Димостасис Алпунисатис, кузнец в третьем поколении. Ажурное ограждение и удивительные скамейки – творения его рук.

Мы с Димостасисом тепло пожали друг другу руки, поздоровавшись классической фразой на международном английском, после чего они с Еленой удалились в глубь салона, а я с облегчением вышел на улицу, вдохнув воздух полной грудью.

На сегодня мне оставалось встретить отца, прибывающего вечерним рейсом, после чего можно было подумать об организации романтического ужина вдвоем с Диной. Как говорится, вечная любовь под звездами вечной Эллады.

Глава 4

Олимпийский пантеон

Опущу подробное описание встречи отца и свой неудавшийся вечер накануне первого корпоратива по причине таблички «Не беспокоить» на двери номера Дины. Отмечу лишь, что официальное знакомство с командой будущего салона в «Олимпикусе» с самого начала пошло не так, как мы с отцом планировали, и в том, я уверен, был в первую очередь виноват он сам.

Главная причина всех неприятностей заключается в том, что прилетел отец в Афины не один: с ним под руку была некая рыжая красотка, ослепительно красивая до тех пор, пока не открывала рот. Его также сопровождал не кто иной, как великий Томми Дорсэ. Если я несколько дней назад потряс отца, сообщив ему о согласии Дины Орсуан исполнить роль Афины на открытии нашего афинского салона, то в вечер своего прилета он потряс меня еще больше, появившись в компании с великим толстяком, смущенно поправляющим круглые «ленноновские» очки. Таким образом, в нашей первой, условно называемой простонародной вечеринке теперь принимали участие аж две звезды европейского масштаба.

Само собой, все собравшиеся в роскошном зале «Олимпикуса» были чрезвычайно взволнованны, а как только гости расселись за нашим гостеприимным столом, я вдруг невольно ощутил атмосферу древнего Олимпа с его божественными интригами.

В центре стола сидел мой отец в белоснежном костюме. Как хотите, но загорелое лицо, безупречный профиль и аккуратно обозначенная борода делали его неким подобием великого Зевса. По левую руку от него сидела его новая огненноволосая пассия, которую, как оказалось, Дина неплохо знала, с усмешкой представив мне как Жанну Милье – «бездарную неудачницу», до сих пор не снявшуюся ни в одном фильме и, тем не менее, прекрасно знакомую всему парижскому миру кино.

Как тут же выяснилось, отца познакомил с Жанной Томми Дорсэ, когда все они встретились в самолете рейса Париж – Афины; красотка быстро охмурила Старого Лиса и теперь принимала участие в нашем застолье, мгновенно напомнив мне другую героиню мифов Древней Эллады – Медузу горгону, что я и сообщил на ухо Дине, вызвав у нее неожиданно веселый смех.

– Да что ты говоришь – Медуза! Забавно!..

Следом за Жанной сидели будущие продавцы-консультанты салона – уже знакомая мне Васа, при встрече по-матерински потрепавшая меня по плечу, и три других – милые дамы «около тридцати», обаятельные и улыбчивые, совершенно не отложившиеся в моей памяти благодаря всем последующим событиям.

Следом располагался мрачный худосочный Димостасис, рядом с которым не сидела – восседала его супруга Аглая – на редкость красивая дама, удивительно похожая на Жанну: точно такая же грива рыжих волос и ладная фигурка «с формами». Вот только ее лицо в отличие от белоснежного лица Жанны сплошь покрывали золотистые веснушки, а глаза были не золотистого, а банального карего цвета.

– Если и дальше играть в твои олимпийские игры, то этот хромой Димостасис – настоящая копия бога Гефеста, – прошептала мне на ухо Дина. – А, соответственно, его супруга, как и у Гефеста – богиня любви Афродита...

По правую руку от отца сидел великий Томми Дорсэ. Следом располагались мы с Диной, несносный Серж Флисуан, который с первого же взгляда положил глаз на красавицу Аглаю, оказавшуюся за столом прямо напротив него, и целая армия творческой богемы, в которой я слегка запутался – дизайнеры, архитекторы и художники, благодаря которым салон выглядел элегантно и благополучно.

– Послушай, а твой Серж – вылитый Нарцисс! Классический самовлюбленный красавчик, – прошептал я Дине на ушко, наблюдая, как вышеозначенный Серж красуется перед порозовевшей Аглаей.

– Боюсь, тут не совсем полное соответствие, – усмехнулась Дина. – Наш Нарцисс влюбился не в самого себя, а в девушку напротив...

Елена Сендираки долгое время не появлялась за столом, хлопоча где-то за кулисами. В конце концов, она уселась за стол на специально оставленное место между Васой и Димосом. Это было сразу после того, как отец торжественно поднялся и произнес приветственную речь, после которой все дружно подняли бокалы – за единую команду и совместную работу на общее благо.

Далее все шло по сто раз оговоренному сценарию: Елена представляла по очереди всех, внесших свою лепту в создание салона, за каждого поднимая тост. Поскольку такого народа оказалось немало, очень скоро от чудесного греческого вина все присутствовавшие ощутили легкое головокружение и желание петь и смеяться. Как по заказу, заиграла музыка, и первые пары пустились в пляс.

Разумеется, я пригласил на танец Дину. Она нежно опустила руки мне на плечи, и мы заскользили в танце, став частью дивной музыки. Любуясь удивительным лицом своей богини, я повторял себе, что она выглядела ничуть не хуже всех жанн и аглай, вместе взятых, – и вовсе не потому, что посвятила три с лишним часа после обеда визиту в салон красоты.

Во-первых, она была в белоснежном хитоне, обнажавшем ее безупречные руки и плечи, а при ходьбе неожиданно открывавшем через боковые разрезы подтянутые стройные ножки. Во-вторых, на голове ее была потрясающая прическа – как она первым делом пояснила мне с важным видом, традиционный «греческий узел», который ей был очень даже к лицу. Ну а макияж моей богини был настолько безупречен, что совершенно не бросался в глаза, – казалось, лицо Дины само по себе прекрасно, как только может быть прекрасным лицо юной девушки.

– Послушай, если продолжать нашу игру в олимпийцев, хочу отметить, что ты – богиня весны и юности, великая и прекрасная Геба! – восторженно прошептал я ей на ушко.

В ответ она немедленно нахмурилась, направив на меня грозный взгляд и отрезав воинственным тоном:

– Запомни, мой дорогой Ален, я – богиня Афина, великая и справедливая. Пожалуйста, никаких Геб!

Разумеется, я не стал продолжать дискуссию, ограничившись нежным поцелуем Гебы-Афины в щеку. Полагаю, каждый представит, что при этом я ощущал перманентное счастье.

Глава 5

Девичьи забавы

Наша вечеринка благополучно продолжалась. Отец не хуже Зевса-Громовержца поднялся с чашей вина в руке и произнес тост, который в свободном переводе на русский язык вполне мог бы стать ремейком песни «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!».

При этом следует отметить, что, очевидно, по причине своей внезапной влюбленности в Жанну, он непростительно позабыл, что после того, как Елена представила всех и вся, настал черед ему представить ее, что вообще-то было заранее сто раз обговорено. Естественно, Елена вспыхнула и нарочито громко бухнула свой бокал с нетронутым вином обратно на стол.

Поскольку относительно немногие были в курсе нарушения традиции, жест Елены потряс не всех. Как бы там ни было, а отец произнес свой тост, и многочисленные гости дружно воскликнули «ура», чокнулись и выпили. Официанты бодренько внесли самые разнообразные салаты и закуски. Атмосфера зала в одно мгновение разогрелась, оскорбленная Елена ушла на второй план, и настроение большинства народа стало простым и непринужденным.

Я подошел к отцу и, почтительно наклонившись к олимпийскому уху, напомнил о необходимости поднять тост за главную управляющую салона. Отец, хлопнув себя по лбу, немедленно поднялся с винной чашей в руке, выразив огромную благодарность за чудесный салон его главной управляющей Елене Сендираки, на что она ответила лишь ледяной улыбкой. Без малейшей паузы громовержец с лучезарной улыбкой представил всем «гениального режиссера современности Томми Дорсэ» и очаровательную актрису Дину Орсуан, исполнившую роль богини Афины в блестящем фильме Дорсэ, после чего, вновь без пауз и переходов, предложил присутствующим поднять бокалы за французский кинематограф.

Сами понимаете, вино, как сказано в Евангелии, – «для радости», а потому после всех этих бесчисленных тостов-представлений все участники гулянки говорили, смеялись, жевали, так что в зале висел жизнерадостный гул голосов, народ окончательно расслабился, поистине отдыхая душой и телом.

Почти тут же заиграла приятная музыка, и отец увлек свою рыжеволосую Медузу в непринужденный танец, что послужило примером для всех, – зал быстро заполнился танцующими парами, в числе которых были и мы с Диной. Даже толстяка Дорсэ пригласила на танец чуть порозовевшая от вина Елена.

– Ну, как тебе наше олимпийское застолье? – поинтересовался я, ритмично двигаясь в танце с Диной.

– Просто потрясающе! – воскликнула она, чудесно блестя глазами. – Прямо на глазах у нас разыгрываются волнующие драмы. И первая из них: наш Серж-Нарцисс начинает охмурять эту Жанну № 2.

– Он не слишком-то стесняется, – кивнул я, – как, впрочем, и Жанна № 2, которую ты сравнила с богиней любви Афродитой. Так что все развивается вполне по сюжету: Афродита изменяет, Гефест ревнует.

А бедняга Димос действительно ревновал: бледный, как смерть, с иссиня-черными волосами и бородой, с черной пропастью глаз, он неподвижно сидел на своем месте, то и дело наливая в бокал вина и тут же его осушая его, словно парня мучила нестерпимая жажда.

Музыка звучала почти без перерыва; кто-то танцевал, кто-то болтал, просил автограф у Томми и Дины или поглощал аппетитные блюда. Интересный нюанс: в определенный момент Жанна и Аглая, по-видимому, отметившие взаимное сходство и ощутив своего рода

родство, какое-то время весело болтали под вино у огромного окна, за которым к тому времени уже сияли огни вечерних Афин. Одновременно Димос вдруг решил исповедаться перед Васой: оба сидели рядышком за столом, и мрачный кузнец возбужденно что-то бубнил своей визави.

... – Смотри-ка, новые подружки отправились вместе в туалет. Надеюсь, в них не проснулся дух древнего Лесбоса?

Дина сообщила мне эту новость на волнующих виражах очередного танца, когда моя голова на полную катушку кружилась от счастья. Я обернулся, но поймать момент входа девиц в туалет не успел, ограничившись хмыканьем.

– Мне кажется, мрачный Димос гораздо терпимее отнесся бы к лесбийским изменам жены, чем к ее флирту правильной ориентации.

Волшебная карусель нашего танца, с ума сводящий смех Дины, ее чудесные глаза цвета тающего шоколада...

И вдруг – новая яркая картинка, которую в очередной раз открыла передо мной моя любовь – призывно хохочущая Аглая неожиданно оказалась в объятьях Старого Лиса. Отец галантно вел ее в танце, весьма легкомысленно опустив руку чуть ниже девичьей талии.

– Ну вот, твой отец охладел к Жанне, но не к рыжим женщинам, – с веселым смехом констатировала факт Дина. – Мне интересно, куда смотрит грозный бог Гефест? Афродита вот-вот ему изменит!

А Гефест-Димос смотрел как раз на свою супругу – на ее спину с дерзкими руками отца. Сам вид ревнивца внушал каждому невольный трепет: прямо на столе перед ним лежали намертво сжатые в кулак руки, правая бровь нервно дергалась, а черные глаза, казалось, извергали пламя.

– О, боже! Как бы все не завершилось жутким убийством! Лучше бы твой отец благо- разумно вернулся к дурочке Жанне...

За танцующими, кроме Димоса и нас с Диной, наблюдали и многие другие: хмурившаяся Васа, любопытный и добродушный Томми Дорсэ, а также прекрасная Елена, на лице которой змеилась нехорошая улыбка.

– Как хочешь, но я готова поспорить, что между твоим отцом и Еленой что-то было, – зашептала мне в очередной раз взволнованная Дина. – Она отчаянно ревнует! И сразу же занимает свое место на Олимпе: Гера! Божественная супруга Зевса, которой он изменял круглые сутки!

Волшебные аккорды музыки, гул голосов в зале.

– Дорогая, все может завершиться всеобщей драчкой... А Серж! Посмотри-ка, он уже вовсю тискает Жанну! Видимо, парень выпил достаточно, чтобы не почувствовать разницы.

Таинственно блестящие, сумасшедшие, такие огромные и близкие глаза Дины, ее теплое дыхание...

– Между прочим, скажу тебе по секрету: не так давно у Сержа была не очень красивая история с Жанной. Что-то, связанное с порнографией. Она даже шантажировала его – или только пыталась это сделать, не знаю точно...

– Да что ты говоришь! Признаюсь: ничуть не удивлен. Шантаж, порнография – и то, и другое прекрасно подходят этой парочке!..

Все происходившее напоминало сумасшедшую карусель, набирающую убийственные по скорости обороты. В определенный момент я поймал на себе взгляд Васы – она все так же величаво возвышалась за столом, наблюдая за всеми, а встретившись со мной взглядом, неожиданно озорно подмигнула, невольно заставив меня на мгновение задуматься, кого

из греческих богов напоминает мне эта статная женщина. Впрочем, от праздных мыслей меня отвлекло небольшое ЧП.

Когда музыка в очередной раз смолкла, а следующая композиция еще не началась, внезапно наступившую тишину неожиданно нарушил отчаянный хриплый вскрик, на который все присутствовавшие одновременно развернулись, став свидетелями потрясающей сценки.

Димос, выкрикнув нечто грозное на родном греческом, с потрясающей скоростью подскочил к своей изменщице, опустив тяжелую грозную руку ей на плечо. Пауза – крошечные секунды, превратившиеся едва ли не в вечность, когда каждый в зале ощутил нахлынувшую волну ужаса...

Аглая обернулась. И в тот же момент все – в первую очередь Димос – увидели: это не Аглая, это Жанна!

Моментально ужас сменился всеобщим весельем. Жанна первая с хохотом продемонстрировала ревнивцу алый язык, Димос, едва не рухнув на месте, словно обжегшись адским пламенем, резко отдернул руку и огляделся, сверкая несчастными глазами, в поисках своей жены.

– Мы с Аглаей решили подшутить: поменялись в туалете платьями, – орала развеселая Жанна, призывно прижимаясь к Старому Лису, который к тому времени уже слегка подустал и начинал поглядывать на часы.

– Так значит, это Аглая танцевала с Сержем! – ахнула Дина, в волнении сжимая кулачки. – Надеюсь, муж следил только за платьем своей жены и не заметил, чем занималась та, что была в платье Жанны...

Судя по всему, именно так все и было. Димос резко обернулся, ища взглядом супругу, и тут же увидел ее: мирно улыбающаяся Аглая с аппетитом поглощала свою порцию мяса за столом в компании Васы.

– Ловко! – Дина даже пару раз хлопнула в ладоши, весело усмехаясь. – Куда же делся наш проказник Серж?

Тут же объявился и оный проказник: оправляя безупречный костюм, он приближался к своему месту за столом, столкнувшись с официантом и небрежным жестом руки отстранив его чуть в сторону.

Отмечу сразу: официантов было несколько – происходила очередная смена блюд, что привлекло народ назад к столу. Честно говоря, от всех волнений и переживаний я тоже внезапно ощутил зверский голод, похлопав себя ладонью по животу: «Спокойно, спокойно, сейчас мы славно перекусим!»

В тот момент мне и в голову не могла прийти мысль, что о чревоугодии скоро придется позабыть.

Глава 6

Клубок змей

Отец под руку с Жанной первым чинно приблизился к своему трону, галантно усадив подругу, которая тут же, без малейшей паузы, цапнула, высоко подняв, крышку огромного блюда, скромно стоявшего перед ней на столе. Следующим чрезвычайным происшествием стал ее отчаянный вопль, в очередной раз вызвавший у всех ощущение леденящего ужаса. Естественно, все вновь повернули головы в сторону крика и увидели жуткую до нереальности картину.

Смертельно побледневшая, с перекошенным ртом, Жанна непрерывно визжала, округлившимися глазами уставившись на огромное, словно вдруг ожившее блюдо прямо перед собой.

Я вскочил и приблизился, чтобы убедиться в правильности своей догадки. Все так и было: на плоской тарелке большого диаметра красовался клубок змей, которые с потрясающей скоростью расплетались, расползаясь во все стороны по столу, а одна из них, словно не выдержав воплей перепуганной Жанны, совершила неожиданный бросок в перекошенное от крика лицо.

Тут уж закричали все, вскакивая с мест и отбегая от стола, спасаясь от змей. Из кухни выскочил перепуганный общей какофонией владелец ресторана, и я торопливо скомандовал ему: «Срочно вызывайте «Скорую помощь» и полицию!» Боюсь, парень так ничего толком и не понял, но проникся всеобщей паникой и со всех ног поспешил к телефону.

– Ален, помоги мне куда-нибудь ее уложить!

Бледный, как смерть, отец, держал рухнувшую ему на руки Жанну – с синеватым цветом лица, следом укуса на левой щеке и обморочно закатившимися глазами. Я помог донести ее до одного из мини-диванчиков у стены, и часть публики с пьяным любопытством приблизилась к нам, в то время как остальные с опаской заглядывали под стол и тыкали пальцами в змей на столе.

Паника понемногу утихала, уступая место извечному человеческому любопытству. За моей спиной сопела Аглая, а рядом с ней стоял, сверкая черными глазами, взволнованный всеми событиями, уложившимися в какие-то минуты, Димос. Аглая, повернувшись к супругу, начала вполголоса бормотать некий возбужденный монолог по-гречески. И, пусть я не разумею в эллинском языке ни слова, могу голову дать на отсечение: кокетка предъявляла мужу обвинения по части этого клубка змей на основании своей схожести с Жанной. В ответ мрачный Димос довольно спокойно и кратко ей ответил – опять-таки готов поспорить, просто логически сообщил, что, задумай он напугать жену змеями, позаботился бы, чтобы блюдо с ними принесли на ее место, а не на место другой женщины.

Оставалось лишь благодарить небеса за то, что на данную презентацию, несмотря на участие в ней Томми и Дины, не просочились представители прессы. За моей спиной возбужденно бубнил народ. Я оглянулся, и все разом смолкли. Кто-то был бледен, как смерть, кто-то, наоборот, раскраснелся от ажиотажа и волнения – к примеру, Серж, который, сорвав с горла словно душивший его галстук, бесконечно дергал ворот своей рубахи, задыхаясь от ужаса.

А у самого дальнего края стола стояла, скрестив руки на груди, неподвижная Елена и в отличие ото всех – взволнованных, нервных, перепуганных – улыбалась с оттенком откровенного удовлетворения. Эта недобрая улыбка невольно заставила меня передернуться. Не слишком приятно, скажу я вам, открывать в милейшем человеке злорадного монстра.

Я поспешил отвести взгляд в сторону, бросив тревожный взгляд на Жанну – девчонка была, безусловно, жива, хотя у нее сохранялся слегка синеватый цвет лица; отчаянной хваткой, судя по всему, не осознавая своих действий, она вцепилась острыми коготками в руку отца, который бросил на меня умоляющий взгляд.

– Ален, сделай что-нибудь! У меня такое чувство, что она порвет мне руку, – видишь, уже кровь капает. Жуткая боль от ее ногтей...

Все так и было – остро отточенные коготки Жанны попросту прокололи кожу руки в трех местах, из них реально капала кровь. Я наклонился и, силой разжав оцепеневшую руку Жанны, осторожно отвел ее в сторону. Отец с облегчением вздохнул и поспешил приложить к ранкам носовой платок. В этот самый момент в зал вошли полицейские, а вслед за ними – медработники афинской «Скорой».

Тут же вновь воцарилось некое подобие хаоса: все разом заговорили, обращаясь к полиции и указывая руками в сторону стола, где удобно обустроилось большинство змей – прямо в разнообразных салатах и закусках. Старший из полицейских тут же сделал дополнительный звонок, после чего устроил небольшое совещание с подчиненными, – ясное дело, ведь не каждый день полицейских вызывают, чтобы отловить пару десятков змеюк!

Между тем седой сухопарый врач с классическим чемоданчиком в руке поспешил приставить рядом с Жанной. Почти тут же рядом с ним оказалась Васа, чуток опередив меня.

– Девушку атаковала змея, видите – след укуса на щеке? – не ожидая вопроса, сообщила она врачу менторским тоном. – Полагаю, змея – это леопардовый полоз, чей укус абсолютно безвреден. Но девушка испытала шок, потому лучше срочно отвезти ее в госпиталь.

Врач молча кивнул, автоматическим движением проверил зрачки Жанны, пульс, без паузы сделал укол, после чего дал лаконичную команду санитарам, которые практически молниеносно погрузили пострадавшую на носилки и едва ли не рысцой покинули помещение.

Мы с отцом, не успев и слова молвить, изумленно переглянулись.

– Вот это скорость! Поистине – скорая помощь.

– Надеюсь, она останется жива! Они так спешили... О, боже!

Что ж, Старый Лис был в своем репертуаре – теперь, когда никто больше не прокалывал ему руку острыми коготками, можно было чуток расслабиться, всплакнуть и пожалеть себя, любимого. Отец красиво утер скупую мужскую слезу и трагически прошествовал на кухню, к главному шеф-повару, – очевидно, чтобы без лишних змеюк выпить порцию успокаивающего узо.

Ну а я, присоединившись к публике, что держалась ближе к выходу, стал наблюдать за беспримерным подвигом полицейских: под чутким руководством своего начальника они ловили змеюк пустыми кастрюлями, моментально захлопывая пойманных надежными крышками. Грохот при этом стоял еще тот плюс ко всему – задорные комментарии, аплодисменты, хохот публики и коллег-полицейских.

Так устроена жизнь: казалось бы, все только что пережили ужасный шок, один человек пострадал и неизвестно, чем все это кончится для юной жизни, но прошли какие-то минуты, и вот уже раздается веселый смех. Жизнь продолжается!

– Бедняжка Жанна!.. Как ты думаешь, теперь ведь нас не отпустят в отель – будет полицейский допрос?

Голос Дины неожиданно раздался откуда-то сбоку, дав мне повод пофилософствовать еще на одну тему. Вот так: появляется клубок змей, и я, кинувшись в гущу событий, начисто забываю, что у меня есть подруга, которая ведь тоже вполне могла пострадать во всей этой свистопляске.

Я поспешил обнять хрупкую испуганную Дину, укрыв ее в своих оберегающих руках.

– Полагаю, допрос будет, но это не страшно, – проговорил я успокаивающе. – Главное, что с тобой все в порядке.

Дина была очень бледна, а ее руки, нервно сцепленные у груди, дрожали от волнения.

– Все это так ужасно и... нереально! – Ее голос срывался едва ли не в плач. – Как будто все происходит не на самом деле, а просто мы снимаемся в каком-нибудь дурацком ужастике. Но ведь все начиналось так замечательно! Мы готовились попробовать горячее блюдо...

Тут она нахмурилась и бросила взгляд в сторону стола, где все еще продолжалась охота на змей.

– Послушай, а что, если в наших блюдах тоже были змеи!

Я снисходительно улыбнулся и пожал плечами. Что ни говори, а в то, что всем гостям в солидном ресторане приготовили вместо мяса на решетке живехоньких змей, верилось с трудом. Но чего только не бывает! Поэтому вместо голословного ответа я спокойно прошел к нашему месту за столом и торжественно поднял крышку своего блюда.

– Что вы делаете? Немедленно положите крышку на место и отойдите от стола! – тут же закричал главный полицейский, в чьих греческих рангах и званиях я совершенно не разобрался.

На вид этому начальнику было лет сорок с хвостиком; классический мачо – чрезвычайно загорелый, с черными кудрявыми волосами и такими же черными усиками, привыкший к безусловному подчинению с первой команды. Признаюсь честно и откровенно: между нами с первого же взгляда друг на друга возникла лютая нелюбовь. Я невзлюбил самоуверенность афинского полицейского, он невзлюбил меня – очевидно, как наглеца, который осмеливается в упор не слышать его команды.

В ответ на окрик я смиренно поднял обе руки вверх и развел их в стороны, улыбаясь улыбкой прирожденного пацифиста.

– Я просто хотел убедиться, что мне принесли мясо, а не сырых змей – посмотрите сами. С вашего разрешения, я проглочу кусочек...

Похваюсь: я действительно успел цапнуть не один, а целых три зажаристых куска славного мяса, пока полицейский не замахал на меня руками, требуя немедленно отойти от стола.

Как говорится, дурной пример – заразителен. Тут же и остальные участники нашего самодеятельного корпоратива ощутили почти звериный голод и начали осторожно приближаться к своим местам. Само собой, полицейскому пришлось принять стойку начальника и грозно произнести на вполне приличном английском языке с легким греческим акцентом:

– Внимание! Разрешите представиться: следователь внутренней полиции Афин Георгиос Тифис. Прошу всех оставаться на своих местах, к столу не приближаться, ничего не трогать! Сейчас я узнаю, куда можно всех вас провести для первоначального допроса. Не волнуйтесь, мы постараемся завершить все процедуры как можно быстрее. Все меня хорошо слышат?..

Разумеется, его слышали все, и все тут же погрузнели, а нервный Серж, глубоко вздохнув и вновь безупречно повязав сорванный галстук, деловито приблизился к следователю и принялся что-то шептать ему на ухо, вызвав невольный ропот остальной части публики. Выслушав Сержа, следователь Тифис лишь успокаивающе похлопал его по плечу и, сделав отмашку рукой, призвал всех следовать за ним.

Все мы организованно перешли во второй банкетный зал ресторана, по счастью, оказавшийся в этот вечер пустым. Прибывшие дополнительно полицейские расселись вдоль длинного стола и принялись вести допрос всех, включая и великого Дорсэ, о величии которого никто из афинской полиции, похоже, толком не знал и который, надо отдать ему должное, вел себя тихо и скромно.

– Знаешь, какая моя самая большая мечта на сегодня? – прошептала Дина, прижимаясь к моей груди.

– Какая?

– Поскорей вернуться в отель, рухнуть в кровать – не раздеваясь, не принимая душ, не чистя зубы! – и уснуть мертвецким сном до самого утра.

Что я мог сказать? Вполне разумное мечтание, к которому наверняка с восторгом сердечным присоединились бы все наши собраты по несчастью, как и мы, уныло стоявшие в очередь на допрос.

Я лишь вздохнул и кивнул с улыбкой стоика:

– Присоединяюсь, Дина!

Глава 7

Недавнее прошлое

Разумеется, мужская часть нашего корпоратива без излишней галантности, но уступила возможность дамам быть допрошенными в числе первых. Дождаясь своей очереди, я, прикрыв глаза, сидел чуть в стороне от общей массы и припоминал всю последовательность событий прошедшего дня.

Сразу стоит отметить, что весь этот день прошел точно по плану: к девяти мы с Диной прибыли в салон, где нас встретила Елена – сама любезность. С первых же минут они с Диной чудесно поладили, так что я оставил их вдвоем для первой, черновой репетиции открытия, а сам отправился для уточнения меню и прочих деталей будущего корпоратива в «Олимпикус».

Вернувшись, я застал в салоне целую компанию: кроме Дины и Елены, здесь были Васа, чрезвычайно оживленный Серж и даже хромой Димос, который, встретившись со мной взглядом, даже попытался скроить на своем мрачном лице некое подобие приветственной улыбки. Дружески пожав мне руку, милая Васа сообщила, что буквально за пару минут до моего прихода здесь был отец в компании «вашего знаменитого Томми Дорсэ и рыжей девушки».

Обменявшись со всеми шутками и общими словами любезности, мы с Диной покинули салон, на время жаркой афинской сестры отправившись в отель, где моя богиня довольно быстро меня покинула, чтобы основательно подготовиться к вечеринке в салоне красоты, рекомендованном ей Еленой. Ровно в семь все мы встретились в «Олимпикусе». Так прошел этот день.

И, тем не менее, несмотря на скудность сведений и событий, в настоящий момент лично для меня вопрос «Кто организовал клубок змей для Жанны?» имел простой и четкий ответ – без малейшего сомнения, все это дело рук умной и чертовски сообразительной Елены Сендираки. И дело даже не в ее улыбке-оскале при воплях несчастной Жанны. Для того чтобы пояснить мою версию, нужно совсем немного – вернуться к ее недавнему парижскому прошлому.

Для начала отмечу, что при моем скромном участии был открыт не один салон по белому свету. Для этого у нас имелся универсальный сценарий, куда в каждой новой стране требовалось внести лишь перечень важных персон из местных и имя более-менее известной и популярной личности для того, чтобы придать церемонии открытия вес и значимость. Отмечу отдельно, что в Греции до самого последнего времени никто и не думал открывать никаких филиалов. Все началось с отца и его страсти к амурным похождениям.

Старый Лис, несмотря на свой далеко не юный возраст, не только рьяно следит за собственной внешностью, он еще и периодически влюбляется в красавиц, по возрасту годящихся ему в дочери, если не во внучки. Притом следует отметить, что каждый раз сценарий очередной истории несколько не меняется: отец влюбляется, искренне обещает очередной красавице жениться и сам от всего сердца верит в свои обещания, но, в конце концов, его глаза неожиданно открываются, и он с поразительной ясностью видит, что очередная великая любовь – лишь коварная осечка.

Последней «осечкой» Старого Лиса оказалась Елена Сендираки – красивая и безупречная фемина, которую резко выделял из толстого списка возлюбленных Жюль Муара «солидный» возраст (аж тридцать с хвостиком) и нагрузочка в виде двенадцатилетнего сынка по имени Максик.

Все начиналось вполне банально: Елена работала в одном из парижских салонов «Садов Семирамиды». Она стремительно взлетела по служебной лестнице, от должности рядовой продавщицы до поста заведующей лучшего салона на Монмартре. Все потому, что у девушки, помимо эффектной внешности, был отлично подвешен язык. Без ложной скромности отмечу, что в ее повышении я сыграл самую непосредственную роль: однажды, объезжая наши парижские салоны, я чисто случайно стал свидетелем безупречного стиля ее работы.

В салон вошла по всем признакам многодетная мать из глухой провинции. Едва очутившись в сияющем и благоухающем помещении, она застыла, разинув рот, и, по всей видимости, уже готовая бежать назад, к спасительным дверям. Но тут на сцене появилась безупречная Елена. Она очаровательно улыбнулась простушке, подошла и дружески взяла под руку.

– Добрый день, милая красавица, – как родную, приветствовала она посетительницу. – Полагаю, вы впервые зашли в «Сады Семирамиды»?

Простушка слегка ожила и подала голос.

– Я подумала, здесь продается все для сада...

Елена не дала ей договорить. Она весело рассмеялась и покрепче уцепилась за локоток новоявленной подружки.

– С кем не бывает! Но то, что вы к нам зашли, – сама судьба! У нас есть помада точно для вас. Давайте я вам ее покажу.

Не знаю, что хотела приобрести в магазине для садовых принадлежностей милая дама из провинции, но Елена уговорила ее приобрести помаду стоимостью в три тележки для навоза. Вот тогда-то, вернувшись в наш офис, я и рассказал отцу об удивительной продавщице. Буквально на следующий день он отправился в магазин, чтобы лично пожать руку талантливому продавцу-консультанту, а в итоге не просто познакомился с Еленой, но и влюбился в нее, как первоклассник.

Все это было почти год назад. Впервые за все время я отметил для себя сенсацию: отец, большой поклонник женской юной красоты, неожиданно влюбился во вполне зрелую даму. Что ни говори, а талант Елены Сендираки обрабатывать клиента наглядно продемонстрировал себя именно в тандеме с отцом: уже через неделю после их почти случайного знакомства она вместе с сыном благополучно переселилась в дом отца в пригороде Парижа Сент-Женевьев де Буа, и при всем при том Старый Лис не ходил по грешной земле – он летал, словно после круглосуточного общения с красавицей у него начали пробиваться крылья.

Сказать, что я был потрясен, значит, ничего не сказать. Я видел практически всех возлюбленных отца – повторюсь, то были красотки из серии «двадцать с копейками», очаровательные и беспечные, без нагрузок в виде мозгов и детей. И все равно, как правило, через полгода отец спешил с ними распрощаться, дабы освободить поле для новых приключений. А тут тридцатидвухлетняя дама с сыном проживала в доме отца в течение целого года и, казалось, данная ситуация никогда не изменится.

В определенный момент я был практически уверен: еще немного, еще чуть-чуть – и отец сообщит мне, что они с Еленой решили узаконить свои отношения. Вот тут-то и началось дело с открытием греческого салона.

Стоит отметить, что я, Ален Муар-Петрухин, сын отца-парижанина и русской мамы (ныне – труженицы Национального парка Серенгети в жаркой Африке) в обычные суровые будни обитаю в двухэтажном домике зеленой зоны Москвы, пока дела не позовут меня в Париж или в какую-нибудь иную точку на карте мира. На этот раз отец позвонил мне в начале июля.

Как обычно, наш разговор начался издалека: я выслушал вступительную песнь Старого Лиса о том, что культура всех национальностей сокрыта в их мифах и легендах, а потому неплохо бы выпустить серию косметики в различных этнических стилях – египетском, израильском, македонском, нормандском...

Терпеливо слушая хорошо поставленный баритон отца, я рассеянно размышлял, в какую такую сторону хитрюга клонит. Все стало ясно, когда прозвучала завершающая монолог фраза.

– Пожалуй, самая богатая культура удивительных мифов и легенд – в древней и вечно юной Элладе... И, кстати, мой дорогой Ален, а почему у нас до сих пор нет салона в Афинах?!

Дело в том, что великолепная Елена Сендираки – этническая гречанка, проживавшая в Париже в течение последних лет. Когда за этот год я пару раз посещал дом отца, где всю хозяйничала Елена, она, бывало, рассказывала о своей родине с великим энтузиазмом, просто поражая знанием греческой кухни, а также мифов и легенд. Помнится, однажды я заметил с искренним удивлением: «Даже немного странно, что вы до сих пор не вернулись в Афины. В ваших словах столько любви к Греции, к родному городу!»

Это было в самом начале любовной истории, а потому отец не дал красавице и слова сказать в ответ. «Ален, ради бога, не говори об этом! Лично я не хотел бы никуда переезжать из Парижа, а без Елены я просто не смогу жить! – решительно произнес он и даже погрозил подружке пальцем. – Я не отпущу тебя ни в какую Грецию, так и знай, моя дорогая!»

И вот теперь передо мной открывалась прямо противоположная ситуация: отец спал и видел, как бы побыстрее отправить Елену в Грецию, был готов даже открыть там свой салон!

Как говорится, все возвращается на круги своя. Я усмехнулся. И так, как говорили мы в глубокой юности, любовь накрылась медным тазом, и теперь отец взывает ко мне с мольбой о помощи – помочь ему красиво поставить точку в love story. Пришлось в ответ задумчиво помычать и удивленно произнести:

– Действительно! Редкое упущение. Чем гречанки хуже европейек или россиянок? Абсолютно ничем. К тому же у нас есть прекрасная управляющая для элитного салона в Афинах – Елена!..

Эту часть своей реплики я удачно отыграл в лучших актерских традициях: словно хлопнув себя по лбу, простонал, придав голосу нотку отчаяния.

– Елки-палки!.. Извини, отец, у меня просто совершенно вылетело из головы, что ты ведь не проживешь без Елены! Но не беда! Полагаю, подобрать в Афинах приличного специалиста вполне...

– Перестань ерничать, Ален. – Судя по голосу, отец слегка поморщился. – Ты сам прекрасно знаешь, что наша с Еленой история любви благополучно завершилась. Во всяком случае, с моей стороны. Я не так молод, а потому чувствую себя слегка уставшим и хотел бы поскорее остаться один. Между нами этот отвратительный мальчишка по имени Максик...

– погоди, – в свою очередь прервал я отца. – Во-первых, о том, что между вами все завершено, я понятия не имел – ты не вводил меня в курс. Во-вторых, если ты желаешь остаться один в своем доме, тебе достаточно сообщить об этом Елене. Не думаю, что она будет настаивать на...

– Хорошо тебе говорить! – Тут Старый Лис попросту взорвался. – Видел бы ты Елену, когда я буквально вчера попытался высказать ей свое пожелание расстаться без претензий! Она очень мило рассмеялась и сказала буквально следующее: «Дорогой, неужели я так отвратительно выгляжу, так немисливо постарела? Неужели, мой милый, я внушаю тебе полное отвращение? Но, мой милашка Жюль, если мы с тобой сейчас расстанемся, подумай,

кто будет делать тебе наш специальный массаж?» И она тут же начала делать мне этот чертов массаж, так что уже через минуту я был не в состоянии на чем-либо настаивать.

Он горестно вздохнул.

– И вот теперь я думаю: нужны решительные меры. Елена прекрасно поняла, что я настроен на разъезд. Она будет бесконечно удерживать меня от этого шага всяческими массажами и прочими забавами – на этот счет она великая мастерица. А вот если я просто скажу ей, что такого-то числа мы открываем в Афинах салон, она назначена управляющей этого салона и тут же вручу билет на самолет, то ей не останется ничего, как улыбнуться и признать свое поражение.

– Тебе видней, – ответил я, представив себе последнюю сценку с билетом и невольно улыбнувшись. – А какая помощь требуется от меня?

– Очень простая. – Тон отца моментально изменился, став деловитым и сухим. – Займись-ка открытием этого салона! Разумеется, всю финансово-юридическую сторону дела я поручу другим людям, а ты, пожалуйста, срочно начинай готовить эффектное шоу открытия. Я хотел бы, чтобы наш Афинский салон открылся еще нынешним летом и с великой помпой!

Июль стремительно набирал обороты. Я немедленно вылетел в Париж, дабы подготовить сценарий открытия и рекламный материал для модных журналов и сайтов. Повторюсь, поначалу я занимался всем как скучной рутинной. Самым ярким моментом был день, когда отец вызвал Елену в свой кабинет, где в моем присутствии торжественно объявил ей свою волю, предложив, не откладывая на завтра, немедленно отправляться в Афины, чтобы подобрать наилучшее помещение для салона в элитнейшей части города, не особенно заботясь о стоимости аренды.

Ясное дело, отец предполагал, что, выслушав распоряжение, Елена, возможно, и всплакнет, но в любом случае покорится его воле. Однако все обернулось страстным, совершенно неожиданным шоу: гречанка первым делом издала отчаянный вопль вполне в стиле олимпийских богов, после чего принялась крушить вокруг себя все дорожные вазы, столешницы и прочие аксессуары, которые Старый Лис собирает по всему миру всю свою сознательную жизнь.

Можете себе представить, что было с моим отцом. Он в ужасе зажал ладонями уши и рванул вон из кабинета, дав указание секретарше срочно вызывать полицию. Вместо полиции срочные меры предпринял я, решительно обхватив красавицу со спины, лишив ее руки способности хватать и разбивать. В итоге Елена немедленно обмякла, разрыдалась и убежала вон.

Как это обычно и бывает, в конце концов, все благополучно устаканилось: Елена пришла в себя и стала играть по правилам, изобразив восторг от своего назначения на почетную должность управляющей и покинув дом отца, а заодно и Париж, отправившись в родные Афины трудиться на благо «Садов». Я сам провожал ее в аэропорт, а потому именно мне она, перед тем как помахать прощально рукой, заявила твердым голосом фурии: «Клянусь, Аллен, я улетаю в Грецию, но я не оставляю твоего отца – буду сражаться за него до последнего. Вот увидишь, Жюль Муар скоро переселится ко мне, в Афины. Я не сдамся!»

Полагаю, будучи в курсе всей этой парижской истории Старого Лиса и Елены Сендираки, каждый без труда поймет мою позицию. Мало того что отец разлюбил самолюбивую гречанку, мало того что он отправил ее в ссылку на родину плюс ко всему тому он еще рискнул явиться на презентацию с дерзкой красоткой, нагло усевшейся во главе стола по правую руку от него. Прекрасно помня страстную клятву гречанки, по поводу «змеинового эпизода» я мог бы лишь сказать глупышке Жанне: легко отделалась!

Глава 8

Ночные променады

Я покинул место допроса одним из последних около двух часов ночи. Постоял, невольно ежась от ночной свежести, лениво размышляя, что нужно подзвать одно из тех такси, что светились огоньками по соседству с рестораном, и немедленно отправиться в отель. Спать, спать, спать!

Вот тут и нарисовалась передо мной самым неожиданным образом Васа – бодрая и энергичная, казалось, ни грамма не притомившаяся и понятия не имеющая, что это – желать упасть в подушки и уснуть беспробудным сном.

– Как долго они ведут свои допросы! Легко можно сойти с ума, – чрезвычайно энергично произнесла она и без лишних церемоний подхватила меня под руку. – Пройдемся, Ален! После маразматического общения с родной полицией мне бы хотелось побеседовать с вами по душам.

Когда-то в годы глубокой юности я любил цитировать Юза Алешковского: «Мат должен быть функционален». Сам я всю свою сознательную жизнь не признаю ненормативной лексики. И все-таки бывают в жизни такие моменты, когда понимаешь, что выпустить из себя нецензурный поток – более чем функционально.

Я глубоко вздохнул, мысленно произнес трехэтажный ненорматив, после чего попытался улыбнуться милой женщине.

– Васа, я чертовски устал. Может быть...

Она не дала мне договорить, продолжая все так же энергично двигаться вперед, автоматически буксируя за собой меня, даже не бросив взгляд на измученное лицо обессиленного парня.

– Вы знаете, эта шутка со змеями действительно в чем-то нелепая шутка. В отличие от большинства дам я не боюсь змей и даже отношусь к ним с симпатией. Одно время я жила на Крите, на ферме у дяди. Дядя специально разводил змей в овечьих овинах, потому как змеи лучше кошек уничтожают крыс и мышей. Так что, поверьте мне на слово, я с первого взгляда узнала наших неожиданных гостей. Это леопардовые полозы, которых на Крите – пруд пруди. Полоз – отличный охотник на мышей и даже на некоторых птиц. Из-за черной галочки V на голове его частенько путают с гадюкой, но это фикция; укус полоза абсолютно безвреден. Думаю, в нашем случае девушка просто насмерть перепугалась. На самом деле ее жизни ничто не угрожает.

– И слава богу, – попытался я вставить в первую же возникшую паузу. – Давайте все-таки...

И вновь она не дала мне договорить – казалось, милая женщина попросту не замечает, что кто-то тащится за ней, мечтая о сладком сне.

– Меня волнует другой вопрос: кто это сделал и зачем. Вернее, в первую очередь – зачем?

– Наверное, затем, чтобы Жанну укусили, – отчаянно зевнул я.

Она резко покачала головой.

– Укусили, напугали – но для чего? К чему было хлопотать о змеях, чтобы в итоге напугать какую-то глупышку из Парижа?

Я осторожно покосился на Васу – решительная дама смотрела куда-то прямо перед собой, гневно хмурясь. Елки-палки, неужели вполне сообразительная неглупая особа не видит очевидного? Ревность и месть – вот элементарное объяснение шутки со змеями, автоматически открывающее имя виновной.

– Полагаю, Васа, вы в курсе, что между моим отцом и вашей племянницей была... Назовем это романтической историей?..

Васа резко остановилась, развернувшись ко мне.

– Разумеется! Значит, вы не хуже этого инспектора уверены, что змей организовала Елена – из-за ревности к этой рыжей девчонке?

Я усмехнулся и уверенно кивнул.

– Простите меня, Васа, но это же очевидно. Понимаю, что вам неприятно выслушивать обвинения против родной племянницы, и, тем не менее, все предельно ясно. Никому больше не было ни малейшего смысла пугать Жанну – ее никто, включая меня, толком и не знает.

Васа многозначительно усмехнулась.

– Так уж и никто?

Я слегка смешался.

– Повторюсь: ее здесь никто толком не знает. Дина, к примеру, ее знает, но это чисто шапочное знакомство – Жанна тусуется во всех кинотусовках, где бывает и Дина, хотя у нее не слишком много свободного времени на пустое времяпровождение. Знает Жанну также Серж Флисуан...

Вот тут я невольно запнулся, припомнив сбивчивый рассказ Дины об истории с шантажом.

Васа с любопытством приподняла бровь.

– И почему это вы вдруг замолчали? Полагаю, у этого Сержа вполне мог быть свой повод припугнуть красавицу. Тем более, как стало ясно после нашего вчерашнего знакомства, он вполне ориентируется в греческих мифах.

Тут настала моя очередь вопросительно вздергивать бровь.

– Что вы хотите сказать? При чем тут греческие мифы?

Васа насмешливо покачала головой.

– Прошу прощения, но все, повторяя ваше высказывание, вполне очевидно. Вчера в салоне, когда мы все перезнакомились и пили кофе, ваш Серж рассказал нам между делом пару мифов. А что мы видели сегодня? Рыжеволосая красавица и клубок змей перед ней. Неужели вам это ничего не напоминает?

Мне тут же припомнились наши с Диной вчерашние беспечные фантазии об участниках корпоратива и их аналогах в греческой мифологии. Помнится, я сам тогда назвал Жанну Медузой горгоной. Между тем, как известно: на голове мифической горгоны росли не волосы, но змеи.

– Вы хотите сказать?..

Васа со вздохом перевела взгляд с меня на открывавшуюся перед нами перспективу ночной улицы с яркими огоньками фонарей, причудливым мерцанием рекламы и вывесок многочисленных кафе и ресторанов, работающих до самого утра.

– Я хотела сказать, что вчера некто не просто организовал блюдо с клубком змей перед огненноволосой красавицей. Этот некто очень неуклюже, но процитировал известный миф: великая Афина превратила волосы Медузы горгоны в змей за то, что дерзкая рискнула соревноваться с нею в красоте.

На какое-то мгновение целый мир вокруг замер и стал беззвучным. Я ошалело смотрел на величественную фигуру Васы, грозно возвышавшуюся надо мной. Неужели ей пришлось в голову...

– Поймите-поймите! Вы что, хотите сказать, что всю эту историю со змеями организовала моя Дина?!

Вся моя сонливость мгновенно испарилась – я воинственно смотрел на Васу, готовый отстаивать невинность своей богини до победного конца.

Настал черед Васы изумленно уставиться на меня.

– Извините, но при чем тут ваша Дина?

В ее голосе звучало искреннее изумление, мгновенно погасившее волну моего негодования.

Я осторожно откашлялся.

– Но как же! Вы сами только что сказали, что змеи вместо волос – мечь Афины. А ведь именно Дина играла роль Афины...

Даже не дослушав мою реплику до конца, Васа негромко рассмеялась, отмахнувшись от меня рукой.

– Не смешите меня! Вашей красавице далеко до богини Афины, она пока что – просто милый ребенок. Между тем кто-то вполне серьезно процитировал нам древнюю легенду, намекая, что Жанна – в своем роде новое воплощение Медузы горгоны, чья судьба, как известно, окончилась печально.

Признаться, к этому моменту печальная судьба горгоны волновала меня меньше всего. Кроме всего прочего, версия Васы относительно «цитат» из мифов только укрепила мое убеждение: поднос со змеями перед насмерть перепуганной Жанной – мечь Елены Сендираки, которая ревнует моего отца-Зевса не хуже олимпийской Геры, поклялась лично мне бороться за него и тоже, между прочим, великолепно знает все мифы Древней Эллады.

Однако было совершенно ясно и очевидно, что излагать свою стройную теорию в данный момент грозной тетушке Васе не имело ровно никакого смысла – судя по всему, она также была готова четко и верно отстаивать честь своей племянницы до самого победного конца.

И все-таки я не выдержал.

– Но почему вы так уверены в невинности Елены? – Конечно, я постарался, чтобы мой голос прозвучал без лишних эмоций. – Разумеется, в интересах фирмы я – за то, чтобы она оказалась чистенькой, и все-таки...

Васа медленно кивнула.

– Я вас понимаю, а вот вы, боюсь, меня не поймете. Согласна, Елена – девочка с характером, она до сих пор ревнует вашего отца, и появление Жанны стало для нее настоящим шоком – я ведь вам говорила, что вчера он появился в салоне в ее компании, словно нарочно хотел помучить бедную Елену.

Тяжелый вздох, короткий взгляд на небо – словно Васа пыталась заручиться поддержкой звезд.

– Но при всех муках ревности моя племянница – православная, истинно верующая. Поверьте, она никогда не совершит грех. Да, она могла злиться на соперницу и желать ей всяческих ужасов. Но она и пальцем не шевельнет, чтобы сделать любой из этих ужасов реальностью.

Ну, конечно! Оставалось лишь добавить, что Елена регулярно исповедуется в церкви. Впрочем, в данном случае вся эта история со змеями благополучно ушла в раздел «Прошлое» и мне была совершенно не интересна – я отчаянно хотел спать.

Не выдержав, я зевнул.

– Васа, неужели вы не хотите спать?

Она меня словно и не слышала. Мы стояли на улице, мимо нас то и дело пролетали машины, а по тротуару проходили шумные группы туристов, наслаждаясь мягкой свежестью воздуха после изнуряющей жары дня. Сама атмосфера ночного города, казалось, была наполнена радостью и весельем, в то время как мы с Васой замерли среди общего праздника жизни, как два изваяния скорби.

– И ведь был еще тот разговор!..

Неожиданно произнеся эту реплику, Васа вдруг нахмурилась, бросив на меня тревожный взгляд.

– Что за разговор?

Мой вялый интерес сыграл ей на руку: она лишь покачала головой и вздохнула, одновременно поднимая руку и подзывая такси.

Как только машина подкатила к нам, Васа открыла дверцу и легко, как пупсика, впихнула меня внутрь, на переднее сиденье, чуть наклонившись на прощанье к самому окошку:

– Сегодня мы действительно все до смерти устали. Отправляйтесь в свой отель и спите на здоровье. Завтра – трудный день. Спокойной ночи!

С этими словами она величественно двинулась по тротуару в обратном направлении, свернула в проулок, мгновенно исчезнув из вида.

Таксист, в самом буквальном смысле слова с отвисшей челюстью наблюдавший за высоченной, столь величественно прошествовавшей фигурой, глубоко вздохнул и наконец-то развернулся ко мне:

– Какая женщина!.. Куда вас везти?

А я, ощутив вдруг внезапное бессилие, проговорил, отчаянно зевая и мечтая поскорее оказаться в кровати:

– Отель «Семирамида»... И побыстрее, если можно, не то запросто усну прямо в салоне вашего такси...

Глава 9

Завтрак по-гречески

Говорят, сны – отголосок всех пережитых за день событий, своеобразный итог, который подводит наше подсознание, пока сознание отключилось для подзарядки. Во всяком случае, только подобными убеждениями я могу объяснить свой сон после ужина со змеями.

Мне снилось, что я гуляю под руку с богиней любви – осанистой Афродитой. Она была огненно-рыжей не хуже Жанны и с золотистыми конопушками по всему лицу, как у Аглаи. Мы неспешно двигались с ней по зеленой дороге, уходящей куда-то в бесконечность, то и дело по очереди каждый бросая рассеянный взгляд на свои наручные часы.

– Не пойму, почему вы, простые смертные, так боитесь змей, – с важным видом рассуждала Афродита, вертя в руках какую-то довольно большую трубку. – Каждый на Олимпе знает: змеи – потрясающе вкусное блюдо. Правда, для начала их следует приготовить.

– Извините, богиня, но для начала их надо прибить, – галантно поклонился я богине любви.

Она благосклонно улыбнулась.

– Возможно. К сожалению, мой милый, без убийства в нашей жизни никак не обойтись. Иногда, чтобы выжить, следует прибить кого-нибудь. Например, змею. И съесть ее. Совместить приятное с полезным.

– Спорный вопрос, – с видом древнегреческого философа произнес я, назидательно поднимая палец. – Убийство осуждается всеми религиями, оно аналогично краже: не твоё – не бери! Если не ты дал жизнь человеку, значит, не имеешь права и забрать эту жизнь.

В верности моих слов не было причин сомневаться, и Афродита, выслушав, с великой важностью кивнула, царственным жестом давая мне команду продолжать мои разглагольствования.

И я продолжал:

– Кроме всего прочего, должен отметить, что мне странно слышать подобные речи об убийстве от тебя, Афродита, ведь ты – богиня любви! Любовь дает силы для жизни, для веры, для счастья...

– А ты уверен, что отличишь любовь от влюбленности? – лукаво усмехнулась богиня, останавливаясь и надевая мне на голову невесть откуда взявшийся у нее ромашковый веночек. – Вы, простые смертные, столь наивны!

Я только усмехнулся с важным видом.

– Представь себе, Афродита, я могу отличить любовь от увлечения, а потому открыто признаю, что у нас с Диной просто красивый роман без серьезного продолжения, не более того. Завершится наш греческий отпуск – и мы расстанемся, разъедемся по своим домам. И все-таки согласись, богиня, наш роман прекрасен, и в нем присутствует дух любви!

– Ах, оставьте разговоры о духах, о любви, – с усмешкой отмахнулась Афродита, срывая с моей головы веночек и отшвыривая его далеко в сторону. – Любовь человеческая, равно как и душа давно умерли, сегодня все успешно заменяют выгодная финансовая сделка, контракт, удача...

Она вдруг замерла в классической позе «руки – в боки».

– И вообще с чего ты взял, что я – богиня любви? Все может быть с точностью до наоборот!

Она остановилась, и я с удивлением понял, что и в самом деле промахнулся: передо мной действительно стояла не богиня любви, но Фемида – богиня правосудия с повязкой поверх глаз и все с той же трубкой в руках.

– Посмотри-ка! – Она протянула мне трубку. – Наверняка ты видел нечто подобное в детстве.

Я взял трубку. Ну, конечно! Это был калейдоскоп – детская игрушка с удивительно меняющимися узорами. Я приложил окошко калейдоскопа к глазу и принялся крутить трубку, наблюдая, как изумрудная гирлянда сменялась россыпью разноцветных цветков, волшебной радугой, безупречной геометрией квадратов...

– Правда, потрясающе? – совсем рядом прозвучал вдруг голос Васы. – Кажется, вот этот узор – само совершенство, но он меняется, и перед вами – нечто еще более прекрасное. Скажу я вам, так и в жизни: ответов на один вопрос – тысячи, главное – выбрать правильный.

Я отбросил калейдоскоп в сторону, обернувшись.

Теперь передо мной стояла Васа – в белоснежном хитоне, высоченная, величественная, с легкой улыбкой на губах. Я перевел дух.

– Васа, так вы тоже богиня?

Она усмехнулась.

– Все смешалось в доме Облонских...

Я удивленно смотрел на нее – эта сугубо российская цитата из классики в устах греческой барышни действительно, что называется, резала ухо. Мне захотелось сжать голову руками: неужели детский калейдоскоп перешел в нашу реальность, и теперь все будет бесконечно меняться? Черт возьми, я беседовал с Афродитой, которая вдруг стала Фемидой, а Фемида обернулась Васой...

Я развернулся к Васе, намереваясь схватить ее за плечи и потребовать ответа. И тут же все в очередной раз изменилось: белоснежная тога превратилась в медицинский халат, и пятидесятилетняя дама сурово поправила на носу очки.

– Петрухин, ты опять прогулял прививку! – произнесла она грозным голосом школьной медсестры из далекого московского детства. – Ну-ка – марш в медицинский кабинет и спускай штаны!

С этим командным голосом в ушах я и проснулся – вздрогнув, подскочил в белоснежных простынях, огляделся и, убедившись что нахожусь в лучшем отеле Афин и никто не угрожает мне прививкой, с облегчением вновь рухнул на подушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.